

В. А. Лекторский⁵

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ЧЕГО ЖДАТЬ, НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ДЕЛАТЬ

Вот уже на протяжении многих десятилетий западная цивилизация, а за ней и мир в целом живет в ситуации острейших вызовов и кризисов.

Не менее полувека существует экологический кризис. Развитие западного, а затем и остального мира по пути технологической цивилизации привело к невиданному вмешательству в природные процессы, идея поставить природу на службу человеку воплотилась в нарушение естественных взаимосвязей и поставила человечество перед лицом собственной гибели (наш известный ученый академик Н. Н. Моисеев связывал с решением экологической проблемы вопрос «быть или не быть человечеству»). Об этом кризисе пишут много. Существуют влиятельные экологические движения и даже политические партии. Принимаются решения по этой тематике на международном уровне.

Но в целом проблема не исчезает, а становится все более острой.

⁵ Академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, научный руководитель философского факультета, заведующий кафедрой эпистемологии и логики Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Наука глазами гуманитария» (в соавт.), «Познание и сознание в междисциплинарной перспективе» в двух частях (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии «Философия России второй половины XX в.». Главный редактор журнала «Философия науки и техники», председатель международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журналов «Эпистемология и философия науки», «Личность. Культура. Общество». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалями им. Г. И. Челпанова I степени, Института философии РАН «За вклад в философию», «В память 850-летия Москвы».

В недавнее время возникли и другие, не менее острые проблемы в иной сфере человеческой деятельности, которые тоже ставят под вопрос возможность сохранения человека в привычном нам виде. Эти проблемы — результат новейшего этапа развития науки и техники, появления новых информационных технологий (телевидение, компьютерные технологии, коммуникация с помощью Интернета) и в связи с этим вступления наиболее развитых стран в так называемое информационное общество.

Высокий темп обновления знания, характерный для информационного общества, влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации. Многие социальные процессы становятся быстротечными и эфемерными. Интеграция прошлого и будущего в единую цепь событий, образующая индивидуальную биографию и лежащая в основе личности, «я», оказывается в некоторых случаях непростым делом. Все более усложняющаяся в современном обществе цепь социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но и на индивидуальном уровне. Но дело не только в этом. Любое рациональное действие предполагает как учет его возможных последствий, так и соотнесение выбранных средств с существующими в обществе нормами поведения, с коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, с представлениями действующего субъекта о самом себе, о своей биографии, о принятых на себя в прошлом обязательствах, о принадлежности к той или иной коллективной общности, то есть с тем, что называется индивидуальной идентичностью.

Между тем современный западный мир переживает кризис индивидуальной идентичности. Недаром проблема кризиса идентичности сегодня одна из самых обсуждаемых на различных конференциях философов, психологов, социологов. Это связано с разрушением многих привычных норм, с упомянутой эфемерностью социальных процессов, с трудностью интеграции прошлого и будущего, разных коммуникационных потоков и разных систем социальных взаимодействий на индивидуальном уровне. Появляется все больше индивидов, которые характеризуются поли-идентичностью или «размытой идентичностью», их сознание оказывается фрагментированным и они не могут ответить на вопрос, кем они являются («кто я такой?»). Это уже не человек в привычном смысле слова, так как важнейшее условие нормальной человеческой жизнедеятельности (с точки зрения той нормы, которая до сих пор была неоспоримой) — существование единства сознания, как синхронного, так и диахронного. По Канту, единство индивидуального сознания — априорное условие его возможности. Но именно это единство сегодня находится под вопросом, если верить результатам ряда социологических и психологических исследований. Человек, включенный в современную систему массовых коммуникаций, оказывается очень восприимчивым к различным пропагандистским воздействиям. Это используется в современном пиаре и так называемых

политтехнологиях. Главная цель профессионалов пиара — не развитие рациональных способностей человека, а, напротив, притупление его критической рефлексии. Старый идеал европейской культуры — индивид, который свободно, без всякого внешнего давления принимает решения на основании собственных размышлений, — представляется сегодня менее осуществимым, чем сто лет тому назад. Современные информационные технологии предоставляют новые возможности для манипуляции сознанием, подавления человеческой свободы.

Эти технологии, в частности социальные, по сути взрывают жизненный мир человека. Речь идет о таких его инвариантах, которые, в отличие от культурно и исторически обусловленных его форм, лежат в основе человеческого существования.

Для иллюстрации этого тезиса начну с рассмотрения Интернета. Это колоссальное технологическое и социальное достижение, означающее выход на новые горизонты человеческой жизни и новое пространство свободы. Это снятие культурного изоляционизма, новые способы создания межличностных связей, возникновение сетевых сообществ. Если исторически существующие сообщества предполагают культурную традицию (особое отношение к времени) и органическое развитие, привязаны к определенному пространству, то сетевые сообщества возникают спонтанно и существуют в некотором смысле вне времени и пространства. Принадлежность к историческому сообществу не зависит от человека, в то время как отношение к сетевому сообществу определяется им самим.

В Интернете можно создать себе новую личность с новой биографией и именем и вступить в коммуникацию (в чатах) с другими подобными. Ряд ограничений реальной жизни в этом случае снимается. Возникает «расширенная реальность» и «виртуальная личность». Появляются новые возможности для творческого самовыражения: создание и размещение в Интернете самых разнообразных текстов, от претендующих на художественную литературу до попыток решения научных и философских проблем, политических размышлений и комментариев текущих событий социальной, политической и культурной жизни. Если при публикации текстов на бумажных носителях в большинстве случаев существуют ограничения (цензурные, а также стереотипы, существующие в каждой сфере профессиональной деятельности), то в Интернете все такие ограничения отсутствуют. Человек как бы получает возможность для безграничного свободного творческого парения. Стирается грань между автором и читателем. «Авторствовать» в Интернете может каждый.

Однако в связи с этим возникает ряд острейших проблем. Интернет в сегодняшнем виде — это не только новые огромные возможности, но и новые большие опасности.

Дело в том, что любой поступок в обычном, не-виртуальном мире предполагает не только свободу, но и ответственность. Это необходимое условие реальной социальной жизни (Кант сказал бы: «трансцендентальное условие возможности»). В Интернете же можно свободно высказываться обо всем, не неся за это от-

ветственности и нередко прикрываясь вымышленным именем. В реальной жизни любой вид деятельности, от строительства дома до научных исследований и создания произведений художественной литературы и искусства, предполагает определенные эталоны и нормы, без которых он невозможен. Эти эталоны являются фильтрами (если угодно, цензурой), не пропускающими в данную систему деятельности того, что ей не соответствует, что может ее разрушить, и одновременно позволяют оценить качество сделанного и выделить образцы (авторитеты). В Интернете все эти ограничения сняты. Авторитетов нет. Все равны, каждый может быть автором независимо от его таланта и профессионализма, может высказываться о чем угодно и говорить все, что придет в голову. Это означает полную депрофессионализацию. Недаром сегодня в Интернете засилье ущемленных, озлобленных, не признанных в своей профессиональной среде людей. Как сказал один из наших деятелей культуры, то, что раньше писалось на заборах, сегодня вывешивается в Интернете. Если каждый является автором, то это конец художественной литературы (такая теория сегодня выдвигается). Но это не только конец литературы. Это было бы и концом науки, если бы научное сообщество всерьез относилось к интернетовским публикациям. Это может быть и концом культуры в целом, так как последняя предполагает эталоны, образцы и иерархию — именно то, что отрицает современный Интернет.

Не так просто обстоят дела и с «электронной демократией», которую Интернет якобы делает возможной. В действительности с помощью Интернета и социальных сетей можно вывести людей на улицу. Но для того чтобы предложить осмысленную программу выхода из социального и политического кризиса, нужны усилия экспертов, специалистов. В интернет-чатах такие программы не вырабатываются. Вообще, как показывает жизнь, современное общество знания с его сложными технологиями, в том числе социальными, предполагает растущую роль экспертов, без работы которых сегодня невозможно никакое серьезное социальное, экономическое, политическое решение. Поэтому, как считает ряд теоретиков, современные социальные технологии предполагают не «электронную демократию», а скорее «экспертнократию». Но в таком случае возникают другие проблемы. Как показывает опыт, эксперты могут исходить из интересов не основной части народа, а довольно узкой группы людей, к тому же они имеют собственные интересы.

Иными словами, Интернет и связанные с ним информационно-коммуникационные социальные технологии — это вызов традиционным представлениям о культуре, о человеке и социальной жизни. Он порождает проблемы, которых раньше не было и которые требуют решений. Где их искать? Ответ на этот вопрос предполагает серьезное обсуждение. У меня нет готовых решений. Думаю, тем не менее, что будущее Интернета связано с тем, что наряду с сетевыми децентрализованными сообществами он будет поддерживать и сообщества профессиональные, с определенными эталонами и образцами деятельности. Последние не могут рассматриваться как неизменные, они долж-

ны быть динамичными и гибкими. Но они должны существовать и маркировать профессиональную деятельность. Думаю, что будут выработаны условия признания интернет-публикации в качестве научной или литературной.

Конечно, избавиться от мусора в Интернете невозможно (создание этого мусора может играть даже полезную психотерапевтическую роль). Что же касается человеконенавистнических, патологических и криминальных текстов, то нужно найти способ избавиться от них. Иными словами, Интернет нуждается в регулировании. Только тогда он сможет превратиться из угрозы культуре в средство ее творческого развития, в способ реализации человеческой свободы.

Другая проблема, порожденная современными технологиями, — возрастание количества и степени риска для жизни. Общество риска не есть нечто отдельное от общества знания, а лишь обратная сторона той медали, на лицевой стороне которой помещены слова об обществе знания. На основе современного научного знания вырабатываются такие технологии, которые глубоко трансформируют сложившийся природный и социальный порядок. Это всегда чревато непредвиденными последствиями. При разработке новых технологий ведется специальная работа по минимизации рисков. Но полностью предотвратить их невозможно. Если даже вероятность тех или иных опасных событий считается незначительной, в тех случаях, когда риски реализуются, их последствия оказываются катастрофическими, как это показали, например, события на атомной станции Фукусима в Японии.

Работа по минимизации рисков будет продолжаться, но их количество и степень опасности в обществе современных технологий вряд ли уменьшатся. Это предъявляет определенные требования к человеку. С одной стороны, появляется необходимость принятия быстрых решений в непредвиденных ситуациях, то есть увеличения пространства свободы. С другой — возникает необходимость большего контроля за индивидом со стороны общества, особенно в условиях техногенных и террористических угроз. Это можно будет реализовать в ближайшем будущем с помощью единых электронных карт, в которых фиксируются передвижения человека, посещение им магазинов, его покупки и т. д. Можно снабдить человека таким устройством, которое будет постоянно сигнализировать в некую службу о его местонахождении и о происходящих с ним событиях. Это позволит контролировать его перемещения и давать рекомендации относительно его передвижений, а в случае возникновения опасных ситуаций вмешиваться в его жизнь. Это, конечно, способ контроля за человеком и ограничение его свободы. Но можно предполагать, что большинство людей охотно примут такое ограничение в условиях повышенного риска. В интересах безопасности контроль над человеком может пойти еще дальше, поскольку современные технологии позволяют это. И это дело не отдаленного будущего, а то, к чему мы подходим уже сегодня.

Но где же в таком случае грань между необходимым ограничением свободы в сверхсложном технологическом обществе и возможностью манипуляции челове-

ком в интересах определенных социальных групп? Вообще в современном обществе граница между «моим» и «не-моим», между частным и публичным пространством, принципиально важна для европейской культуры в течение многих столетий, все больше размывается. Это порождает проблемы, связанные с пониманием человека, его свободы и возможностей.

Развитие биотехнологий рождает новые вызовы. В ближайшем будущем можно будет быстро и недорого создавать индивидуальную генетическую карту человека, на основе которой можно судить не только о его биологических особенностях и болезнях, но и о предрасположенности к тем или иным заболеваниям. Можно представить, как подобные карты могут быть использованы современными работодателями, какие возможности для контроля над человеком они открывают.

Еще дальше идут современные эксперименты, связанные с прямым вмешательством в тело человека, в его мозг и психику. Это не только воздействие на человеческий геном («редактирование» или переделка геномной карты). Это прямое вмешательство в мозг, в сенсорную систему. Последствия могут быть чудовищными.

Таким образом, если говорить о кризисах, переживаемых современной цивилизацией, то можно к экологическому кризису добавить антропологический.

Наконец, еще один кризис, который накрыл человечество сравнительно недавно. Его можно назвать кризисом той формы глобализации, которая практиковалась до недавнего времени. Интенсивно идущий процесс глобализации создает серьезные вызовы национально-государственным интересам.

Глобализация включает несколько компонентов. Это, во-первых, распространение на все регионы мира современной рыночной экономики, сопровождаемое появлением транснациональных корпораций, которые сегодня управляют многими экономическими процессами в мире, не считаясь при этом с существующими национально-государственными границами. Во-вторых, повсеместное проникновение во все страны мира современных коммуникационных технологий: телевидения, Интернета, мобильной связи. То и другое порождает всемирную массовую культуру, которая, как может показаться, успешно вытесняет традиционную культуру, развивающуюся как раз в рамках национальных государств.

Некоторые теоретики считают, что в процессе глобализации должна исчезнуть национально-государственная идентичность, будущее человечества связано с отмиранием наций и национальных государств, понятие государственного суверенитета скоро отойдет в прошлое, а индивидуальная идентичность в дальнейшем будет опираться либо на глобальную коллективность (космополитизм), либо на отдельные случайно создаваемые и быстро распадающиеся сетевые сообщества. Другие теоретики, постмодернисты, идут еще дальше: с их точки зрения, сегодня вообще теряет смысл понятие любой человеческой идентичности, как индивидуальной, так и коллективной.

Между тем вопрос этот исполнен глубокого смысла, особенно сегодня.

Конечно, в рамках рыночной экономики можно эффективно решать многие экономические проблемы. Безусловно, новые коммуникационные технологии и новейшие технологии НБИК (нано-, био-, информационные, когнитивные) создают новое пространство для развития, предоставляют принципиально иные возможности для выхода за рамки культурной изоляции. Но вместе с тем процесс глобализации в том виде, в котором он осуществляется сейчас, несет угрозу как существующим национальным государствам, так и самому человеку. Глобализация «взламывает» не только межгосударственные границы, но и жизненный мир человека, не только человека той или иной культуры, но человека вообще.

Растущая включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть — это не только возможность установления контактов с другими людьми и культурами, но и растущая сеть зависимостей. Расширяются возможности для манипуляции сознанием, для управления человеком, для дезинформации в больших масштабах. Сообщества, возникающие в рамках глобальных информационных сетей, во многом отличаются от тех, которые существуют на основе традиционных культур. Сетевое сообщество может мгновенно появиться и столь же быстро распаться. Оно не привязано ни к какой территории и не опирается на устойчивую традицию. Отношения между такими сообществами не имеют иерархического характера, а их совокупность не может быть представлена в качестве системного целого. Поэтому включенность в подобные сообщества и привязанность к одной из существующих культур, опирающихся на исторические традиции и предполагающих пространственную локализацию, вступают в серьезное противоречие.

Рыночная экономика продемонстрировала и продолжает демонстрировать свою эффективность в глобальном масштабе. Но поскольку развитие современных технологий и лежащей в их основе науки происходит сегодня в рамках такого рода экономики, то и наука, и технологии приобретают некоторые характеристики, которые не были им свойственны в традиционной культуре и которые в некотором смысле «расчеловечивают» и науку, и технологии. О возможном опасном для человека использовании современных технологий я уже сказал. Что же касается науки, то она в условиях современного потребительского общества (которое глобализация пытается распространить на всю планету) приобрела характер так называемой «технонауки»: лишь то знание ценится и поощряется, которое может породить технологии. А с помощью последних можно произвести товар на продажу. Само знание превращается в товар, а ученый — в поставщика услуг. Это сильно влияет на этос науки. Если наука работает на большие корпорации, то знание, добытое ученым, становится собственностью этих корпораций со всеми вытекающими отсюда последствиями — вплоть до засекречивания методов получения тех знаний, которые могут быть использованы в создании новых технологий. Возникает так называемый когнитивный капитализм, появляется новый тип ученых, например ученый-менеджер. К счастью, не вся наука пре-

вратилась в технауку и не все научное знание стало собственностью корпораций. Но сама тенденция превращения науки как одного из высших культурных достижений человечества в простой способ зарабатывания денег, конечно, связана с распространением рыночных отношений на все сферы жизни, что и происходит в современном процессе глобализации.

Что же может противодействовать этому процессу, точнее, той форме глобализации, которую мы видим сегодня (ибо глобализация может осуществляться и в других формах)?

Противостоять расчеловечиванию человека и культуры можно только в том случае, если мы сумеем сохранить традиционные человеческие ценности и вместе с тем адаптировать их к современным реалиям, в том числе к вызовам, которые созданы развитием науки и технологий. А традиционные ценности существуют и транслируются от поколения к поколению в рамках существующих национальных культур. Эти культуры отличаются друг от друга. Понимание мира и человека в них не одинаково. Но всем им свойственны некие общие представления, которые сегодня ставятся под вопрос глобальными вызовами. Разнообразие традиционных культур — не недостаток, а условие выживания и дальнейшего развития человечества. Вообще гомогенность (к которой ведет практикуемая сегодня глобализация) — путь в тупик, ибо, как хорошо известно, развитие, эволюция возможны только при условии разнообразия, поскольку разные формы могут обнаружить разные ресурсы на том или ином витке дальнейшего развития, и то, что сегодня кажется наиболее перспективным, может не оказаться таковым на новом этапе. Существующие культуры сегодня вынуждены реагировать на вызовы глобализации и адаптироваться к ним путем саморазвития. Может оказаться, что у разных культур ресурсы подобной адаптации будут различными. Так, например, некоторые традиционные способы организации работы в Китае и Японии оказались хорошо коррелирующими с современными формами работы сетевых предприятий, поэтому популярное до недавних пор отождествление глобализации с американизацией уже не работает. Думаю, что культивировавшиеся в русской культуре внепрагматические ценности могут сыграть положительную роль в поисках выхода из тупика когнитивного капитализма. Наиболее трагичным будет положение тех культур (и связанных с ними государств), которые не смогут найти в себе силы для

адаптации к современной ситуации и для саморазвития. Они могут утратить свою идентичность — как культурную, так и государственную.

Итак, защита человека сегодня означает защиту и развитие традиционной культуры, что предполагает защиту национальной идентичности, а значит, и национальных интересов. Сегодня о роли национальных интересов начали говорить многие политологи, особенно учитывая последние события в США и Западной Европе — выборы нового американского президента, брексит. Вместе с тем ведутся разговоры о том, что якобы на смену недавней международной политике, опиравшейся на ценности (имеется в виду провозглашавшийся прежде всего администрацией Обамы курс на «насаждение демократии» в мире) приходит новая политика — *Realpolitik*, исходящая из национальных интересов и даже склонная к изоляционизму. Но с подобным пониманием современного миропорядка трудно согласиться.

Конечно, национальные интересы включают защиту геополитических и экономических интересов страны, развитие экономики, здравоохранения, укрепление обороноспособности и многое другое. Но для того, чтобы сохранить свою национальную идентичность, страна должна развиваться, а значит, адаптироваться к существующим мировым и политическим реалиям (страна не может находиться в изоляции), и не просто адаптироваться, а давать свой ответ на глобальные вызовы, то есть меняться. Но это невозможно без сохранения и развития культуры, ибо именно культура и есть то, что лежит в самой основе национально-государственной идентичности. Без собственной культуры все остальное — политические и экономические связи, государственные и общественные институты — не обеспечит сохранение национальной идентичности. А это значит, что защита национальных интересов невозможна без развития образования, науки и искусства. Экономически развитая страна, потерявшая свою культуру, лишается национальной идентичности и национальных интересов.

Соревнование и даже борьба разных культурных смыслов на международной арене будут продолжаться, но миру не уйти от вопроса о глобальных ценностях. Национальные интересы не вытесняют высшие культурные ценности — напротив, глубочайшим образом с ними связаны. Значит, вопрос о диалоге культур (именно о диалоге, а не о навязывании одной культуры другим) не утратит своей актуальности.